

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 504.052+94(470) “1920/1927”

DOI: 10.15372/GIPR20240317

Т.И. ТРОШИНА***

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
163002, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17, Россия, tatr-arh@mail.ru

**Северный государственный медицинский университет,
163001, Архангельск, Троицкий проспект, 49, Россия, tatr-arh@mail.ru

**ЗАЩИТА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
В 1920-Е ГОДЫ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СЫРЬЕВЫХ КОНЦЕССИЙ**

Исследован опыт применения природоохранной риторики в политическом и экономическом дискурсе 1920-х гг., когда Советская Россия была вынуждена прибегнуть к передаче национальных сырьевых ресурсов в концессию иностранным предпринимателям. В частности, иностранцы получили право эксплуатации северных лесов, промысла рыбы и морского зверя в Северном Ледовитом океане. Источниками для исследования послужили разноплановые исторические материалы — как опубликованные, так и различная деловая переписка советских политических и хозяйственных органов. Анализ всей совокупности источников позволяет реконструировать одну из ранних страниц отечественной экологической науки на примере защиты природных богатств страны, что первоначально являлось ответами на различные вызовы эпохи. Так, выявлено, что до революции 1917 г. вопросы природоохраны имели влияние на политические решения и на настроения общества как одна из форм борьбы с экономическими конкурентами из-за рубежа. В 1920-е гг. доводы защиты природных ресурсов стали широко использоваться властями северных губерний европейской России, стремившимися сохранить традиционные промыслы за местным населением. Позднее, с целью закрытия иностранных концессий, которые оказались не способными достигнуть ожидаемых от них результатов, вопросы неэффективного и даже хищнического использования природных ресурсов стали подниматься центральной властью. Для обоснования этих претензий привлекались специалисты в различных областях науки и практики использования природных ресурсов, и это дало толчок для развития экологической науки. Кроме того, деятельность концессионеров подвергалась советскими хозяйственниками конструктивной критике, что позволило определить пути, по которым впоследствии национальная сырьевая экономика стала развиваться самостоятельно.

Ключевые слова: экологическая безопасность, европейский север России, лесопромышленность, рыбные и зверобойные промыслы, рациональное природопользование, концессионные соглашения.

T.I. TROSHINA***

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
163002, Arkhangelsk, Naberezhnaya Severnoi Dviny, 17, Russia, tatr-arh@mail.ru

**Northern State Medical University,
163001, Arkhangelsk, Troitskii prospekt, 49, Russia, tatr-arh@mail.ru

**PROTECTION OF NATURAL RESOURCES OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA
IN THE 1920S WITH THE INVOLVEMENT OF FOREIGN RAW MATERIAL CONCESSIONS**

The aim of this article is to explore the experience of applying environmental rhetoric in the political and economic discourse of the 1920s when Soviet Russia was forced to resort to the concession of national raw material resources to foreign entrepreneurs. In particular, foreigners were granted the right to exploit northern forests, and fish and sea animals in the Arctic Ocean. The sources for the study were diverse historical materials, both published and various business correspondence of Soviet political and economic bodies, often classified as secret. The analysis of the totality of sources allows us to reconstruct one of the early pages

of domestic environmental science using the example of the protection of the country's natural resources, which was initially a response to various challenges of the era. Thus it was found that, before the 1917 Revolution, environmental protection issues influenced political decisions and public sentiment as a form of struggle against foreign economic competitors. In the 1920s, arguments for the protection of natural resources were widely used by the authorities in the northern provinces of European Russia, seeking to preserve traditional occupations for the local population. Later, in order to close down foreign concessions that proved unable to achieve the results expected of them, issues of inefficient and even predatory use of natural resources began to be raised by the central authorities. To substantiate these claims, experts in various fields of science and practice of natural resource use were involved, and this gave an impetus to the development of environmental science. In addition, the activities of concessionaires were subjected to constructive criticism by Soviet economists, which made it possible to identify ways in which the national raw materials economy began to develop independently.

Keywords: ecological security, European North of Russia, timber industry, fishing and trapping, rational use of natural resources, environmental management, concession agreements.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Экологическая повестка и использование ее для политических и экономических манипуляций — сравнительно новый объект исследования, возникший на фоне общественной значимости любых вопросов, связанных с охраной природы как глобальной и общечеловеческой задачей.

Экологические проблемы привлекают внимание широкой общественности в аспекте концепции устойчивого развития, что предполагает охрану окружающей среды, рациональное использование природно-сырьевых ресурсов и в целом повышение качества жизни населения [1, 2]. Одновременно с этим в современной политологической и социологической литературе рассматриваются вопросы ангажированности экологов для участия в политической и экономической конкурентной борьбе [3, 4].

Вместе с тем проблема охраны природы как политический дискурс использовалась в отечественном общественном пространстве с конца XIX в. Мотивацией для этого была цель не допустить «иностранных хищников» до природных богатств России, в частности до Русского Севера, в условиях недостаточного экономического развития для собственного их освоения и защиты от внешней экономической колонизации. Архангельский историк Р.А. Давыдов в своей статье посмотрел на эту, в принципе, хорошо известную благодаря описаниям в синхронных публикациях ситуацию со стороны норвежцев, которые использовали «экологическую тематику для обоснования экспансии в российские территориальные воды и легализации незаконно ведущегося зверобойного промысла» [5, с. 15–22].

В 1920-е гг., когда в силу экономических трудностей и решения внешнеполитических задач Советской России реализовывалась концессионная программа (передача иностранным капиталистам в концессию природных ресурсов), «экологическая повестка» активизировалась местными властями (для защиты интересов населения своей территории), а затем и центральными — для формирования правовых предпосылок к прекращению этой практики. Новый ракурс исследования исторических связей с иностранными партнерами в непростой для страны период рассматривается в том числе и сквозь призму природно-охранных отношений [6–8].

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть, как вопросы охраны природы, которые использовались населением, противившимся модернизации, и властями, разочаровавшимся в своих надеждах на эту модернизацию при помощи иностранных концессий, помогали перейти на отечественные формы экономического освоения лесных и морских пространств Европейского Севера России в 1920-е гг.

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступает Европейский Север России, под которым традиционно понимаются северные губернии (Архангельская, Вологодская, Олонецкая), а по современному административно-территориальному делению — Архангельская и Мурманская области, северные территории Республики Коми и Республики Карелия. Этот регион охватывает южное побережье восточно-европейской части Северного Ледовитого океана с островами, воды которого богаты различными биоресурсами. Таежная часть региона отличается высокой степенью лесистости. Благодаря системе рек заготовленная древесина доставляется в северные морские порты для дальнейшей обработки и экспорта на мировые рынки.

В течение нескольких веков данная территория, несмотря на тяжелые климатические условия, осложняющие земледелие и в целом жизнеобеспечение населения, была привлекательна именно

своими природными богатствами. Их освоение сопровождалось выстраиванием системы расселения населения и экономическим районированием региона [9].

Эпохи, когда государство было заинтересовано в Русском Севере, сменялись периодом «равнодушия», а отсутствие надежных транспортных путей, связывающих северные территории с центральной Россией, вело к активному освоению природных ресурсов со стороны иностранцев. Нередко только заинтересованное население Севера и экономически активная общественность поднимали вопросы сохранения северных богатств для страны. В начале 1920-х гг. молодая Советская Россия, в определенной степени вынужденная идти против своих долговременных интересов, стала рассматривать Север как «валютный цех страны», передавая экспортные ресурсы для эксплуатации иностранным компаниям.

Положенное в основу статьи исследование построено на изучении архивных документов и опубликованных источников, оставшихся в немалом количестве от периода НЭПа, когда проблема рационального использования природных богатств вставала достаточно часто. В отношении необходимости модернизации форм и способов их эксплуатации мнение было единым. Но экономическая разруха и политическая блокада СССР не позволяли надеяться только на свои силы. Встал вопрос о такой колониальной, по сути, форме, как передача некоторых природных ресурсов в концессию иностранным капиталистам, в надежде, что они привлекут западные кредиты, внедрят новые технологии, поставят более совершенное оборудование, которое, согласно концессионным договорам, после окончания срока будет передано Советскому государству.

Вопрос о концессиях стал тем камнем преткновения, который разделил советских хозяйственников. Одни видели в иностранных концессиях наиболее быструю форму восстановления народного хозяйства и его модернизации, критически высказываясь в отношении традиционного использования ресурсов в России. Другие — не без собственного экономического интереса (как правило, это были активисты кооперативного движения, отодвинутого от природных ресурсов в пользу государственных трестов, которые и передавали их внешним концессионерам) — критиковали «узко экономические» цели капиталистов, эксплуатировавших ресурсы России как временщики, не задумываясь о будущем страны и об интересах местного населения.

Дискуссии вокруг этих вопросов сопровождались научными доводами, подтверждающими различные точки зрения. Так, обосновывая выгоду привлечения иностранного капитала к освоению отдаленных лесных территорий, предоставляли их подробнейшие географические описания, включавшие не только характеристику древесных пород, но также наличие трудовых ресурсов, их доступность и цены на труд; описание водных и сухопутных путей; перспективы дальнейшего промышленного освоения района. Характеристика водных пространств, передаваемых в концессию иностранным предпринимателям, представляла собой результаты работы географов, биологов и экономистов, определяющих ресурсные возможности территории. Возражения критиков концессионной политики содержали основанные на историко-географических знаниях факты негативных последствий слишком активного промышленного освоения природных ресурсов Севера.

Анализ всего комплекса привлеченных для достижения цели исследования (выяснения действительной результативности концессионной формы эксплуатации природных ресурсов Европейского Севера России) разнообразных и многоплановых источников осуществлен с помощью общенаучных методов (ретроспективный и историко-сравнительный), а также путем применения историко-экологического и историко-экономического подхода к объекту исследования. Это позволило в новом ракурсе посмотреть на формирование советской экологической науки, а также выявить предпосылки формирования современной экономико-географической карты Евро-Арктического региона России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

История развития «экологической повестки» в отношении сохранения северных ресурсов. Архангельская губерния, которая была богата ресурсами, но характеризовалась низкой плотностью населения и плохой транспортной инфраструктурой, благодаря доступности к европейским рынкам через северные моря испытывала существенное давление иностранного капитала (в лесной промышленности) и сталкивалась с незаконным промыслом в территориальных водах со стороны норвежских, немецких, английских рыбаков и зверобоев. По свидетельству специалиста в области морских промыслов А.А. Жилинского, норвежцы активной охотой на тюленя истощили его стада в районе Шпицбергена, потом на границе Гренландского и Норвежского морей (о. Ян Майен) «в середине XIX столетия при содействии англичан и голландцев подорвали ...стадо тюленей», затем начали «перехватывать» у по-

морей промыслы у Новой Земли и в горле Белого моря [10, с. 42–43]. Опираясь на дореволюционные источники, И.В. Боговой писал, что «с середины июля на северо-восточной банке начинают скапливаться десятки английских траулеров, среди них 1–2 немецких парохода... Привлекает Канин камбалой»; например, «в 1909 г. у Канина работало около 90 английских траулеров» [11, с. 84–85, 91]. В навигацию 1918 г. Б.А. Вилькицкий видел «в разных местах у Новой Земли и в Карском море до 15 норвежских моторных промысловых лодок» [12, с. 220].

Подобный промысел у российского побережья был запрещен законом, однако все мероприятия по защите от хищничества иностранцев до революции «сводились больше к дипломатической переписке...» [13, с. 79]. В связи с этим государственная политика подвергалась постоянной критике: осуждалась слабая защита морских границ, допуская браконьерство, отсутствие контроля за потребительским отношением к российским лесам иностранных лесопромышленников, работавших только на экспорт и не стремившихся развивать максимально безотходную перерабатывающую промышленность, например, целлюлозно-бумажную.

Справедливым будет отметить, что кустарный лесной и морской промысел местных промышленников также предполагал весьма нерациональное использование ресурсов. Например, с морского зверя снимали шкуру, иногда срезали сало, оставляя туши на льдинах; в лесу смолокуры надрезали молодые деревья, в результате чего те гибли на корню. Поэтому подобный способ природопользования тоже не был экологичным. Но можно согласиться с теми общественными деятелями, которые видели причину отсталости промыслов в отсутствии у населения средств для усовершенствования обрабатывающей промышленности.

Действительно, экономический подъем накануне и во время Первой мировой войны привел к появлению и частичной реализации проектов развития целлюлозно-бумажной промышленности, повышения качества обработки смолы и других лесных материалов; возникали фабрики для приема и первичной обработки продуктов морских промыслов со своими салотопками, консервными предприятиями и др. Однако гражданская война прервала этот процесс; национализация эпохи военного коммунизма остановила инициативу населения. Революционный экономический энтузиазм натолкнулся на стену бюрократических препятствий. Когда в начале 1920-х гг. в связи с переходом к новой экономической политике вновь допустили частную инициативу, у людей не оказалось средств, а государство в сложившихся условиях не могло им помочь, да и не хотело, продолжая линию общегосударственной индустриализации.

Были интересные исключения. Так, продовольственный кризис подтолкнул организованные зверобойные экспедиции перейти к почти безотходному производству. Прибывая к месту промыслов на ледокольных пароходах, охотники забирали не только шкуры и жир, но и туши забитых морских зверей, мясо которых засаливалось для употребления в пищу [14, л. 11]. Но затем промысловики вновь вернулись к «экономически обоснованному» промыслу, когда при отсутствии оборудования для переработки значительная часть малоценного сырья оставалась на месте забоя зверя. Схожая ситуация была и в лесной промышленности: за неимением средств и рабочих рук отсутствовало оборудование для химической переработки древесины даже старыми, примитивными способами, что вело к засорению лесов, а отходы лесопиления на заводах не утилизировались, а уничтожались (сжигались).

С 1922–1924 гг. в Архангельскую губернию были допущены иностранные концессии: три лесные (с участием на паритетных началах государственных средств), две зверобойные и рыболовная. Их появление в значительной степени объяснялось более политическими, чем экономическими мотивами центральной власти. Так, возникновение лесных концессий было обусловлено риском блокады русского лесного экспорта на мировом рынке (большие лесные площади с правом аренды лесозаводов для переработки древесины были переданы иностранцам — бывшим владельцам национализированных предприятий). К морским промыслам иностранцы были допущены в связи с конфликтом вокруг вопроса о советских территориальных водах. Иностранные промышленники и стоящие за их спиной государства не признавали закрепленную советским правительством морскую границу и 12-мильную зону территориальных вод. Чтобы создать прецедент, норвежским и немецким компаниям было разрешено промысливать в наших водах на условиях концессии.

Надо сказать, что концессионных предложений было значительно больше, чем официально заключенных договоров. Под различными предлогами всем остальным было отказано; достаточно быстро, даже до истечения оговоренного срока, были свернуты и допущенные концессии. Не последнюю роль в этом сыграла «экологическая повестка».

Лесные концессии и вопросы природосбережения. Проблема нерационального использования такого богатства России, как леса, беспокоила власти давно. Признавалось, что на Севере в связи с

недостаточно развитой дорожной инфраструктурой 2/3 годового прироста оставалось неиспользованным. Лесозаготовители оставляли «недорубы», забирая только экспортную древесину, а нетоварную, которая составляла примерно 40 % лесоматериала, оставляли на делянах. Почти половина лесных материалов (45 %) пропадали после вырубки, захламывая леса (а во время сплава загрязняя реки), или становились отходами производства уже на заводах [15, л. 22]. До революции некоторые предприниматели, в основном русские, использовали отходы и нетоварную древесину на своих, обычно маломощных, целлюлозных и бумажных фабриках, но в 1920-е гг. средств поддерживать и развивать производство по химической переработке древесины не было ни у частных лиц, ни у государственных органов.

Привлекательным был опыт некоторых западных стран. Там при отсутствии или недостатке собственного леса и высоких ценах на древесину на мировом рынке в дело шло абсолютно все: из корней получали смолу и другие товары, из отходов лесопереработки, а также из нетоварного леса — целлюлозу, бумагу, картон, метиловый спирт, ацетон, скипидар и прочие химические продукты (до 20 видов). На заводах Германии и Швеции из кубометра переработанных щелоков способом сбраживания получали до 12 литров этилового спирта [15, л. 22].

Если центральная власть, принимая решение о лесных концессиях, во главу угла ставила политические интересы, то для местных властей важнее было создание более совершенной системы лесопользования, чтобы получить максимум выгоды от природных ресурсов. Государственный трест «Северолес» «во всех (концессионных) переговорах с иностранцами» ставил условие строительства целлюлозно-бумажных фабрик, ожидая прихода вместе с иностранным капиталом новейших технологий и оборудования» [16, л. 7]. Однако иностранные концессионеры обвинялись в том, что идут по пути наименьшего сопротивления: не только не выполняют подписанные условия, но вырубая лес поближе к транспортным путям, тем самым опустошая земли; оставляют отходы, засоряя леса и нарушают правила сплава, что ведет к обмелению сплавных рек [17, л. 14, 15].

Под разными предлогами концессионеры отказывались выполнять взятые на себя обязательства модернизации лесной промышленности. Предпочитая только экспортный лес, оставляли без использования пни и древесину более низкого качества. Более того, они отказывались участвовать в любых мероприятиях природоохранного характера.

Когда стала актуальной задача очистки сплавных путей, концессионеры отказывались даже в частичном финансировании этой работы на том основании, что реки эксплуатировались до них, т. е. «вклад» в их засорение со стороны заготовителей для концессионных предприятий минимален. Такие же конфликты возникали при попытке привлечь их к другим мероприятиям по благоустройству лесов и затонов.

Условия создания предприятий проговаривались в концессионных договорах, но в реальности не были реализованы. Например, представитель АО «Руснорвеголес» в г. Онеге ссылаясь на то, что продукция целлюлозной фабрики при доставке на пароходы может оказаться подмоченной, при этом в ходе обсуждения вопроса о дноуглубительных работах, которые позволили бы пароходам подходить для погрузки к берегу, он заявил, что Общество в этом заинтересовано, «но непосредственно участвовать в расходах не может за отсутствием средств» [18, л. 42–44]. Такое отношение становилось основным доводом при требовании закрытия концессий на основании невыполнения оговоренных условий.

Хищническое отношение к северным лесам приписывалось не только иностранным концессионерам. Переговоры с заинтересованными европейскими фирмами нередко наталкивались на опасение иностранцев стать, выражаясь современным языком, «нерукопожатными» в своей стране за ведение коммерческих дел с Советской Россией, против которой в газетах была развернута травля, в том числе и в связи с вопросами экологии. Так, руководитель одной из фирм, с которой велись переговоры по поводу лесной концессии, высказал опасения, ссылаясь на публикацию в английской газете, что «лес, который является для Москвы одним из ее главнейших источников доходов, идущих на пропаганду в иностранных государствах, добывается лишь путем хищнического истребления лесов», и предлагал повременить с заключением концессионного договора, пока настроения в британском обществе изменятся и немного смягчатся [19, л. 57].

Природоохранные доводы в конкуренции с норвежскими концессиями. Особое беспокойство общественности Архангельска вызывала деятельность норвежских зверобойных концессий. Причиной тому был опыт конкуренции с норвежцами на протяжении предыдущих десятилетий. Припоминалось, что «на севере русский промысел кита прекратился после появления в середине XIX в. иностранцев (датчан, голландцев, англичан, и др.)», которые «являлись целыми отрядами судов; иногда происходили сражения между ними при дележе добычи» [13, с. 79, 80]. С начала XIX в. поморы «с промысла мор-

жа и другого зверя в районе Шпицбергена переориентировались на новоземельски промыслы», но вскоре и оттуда были вытеснены норвежцами [13, с. 80]. Для поморов выгодным оставался промысел тюленя, лежки которого находились в горле Белого моря, но в 1919–1920 гг., пользуясь отсутствием контроля в охваченной гражданской войной стране, норвежцы начали «перехватывать» и этот промысел. В результате Норвегия стала занимать первое место в мире по зверобойному промыслу, при этом в 1920-е гг. «до 60 % [их] добычи падает на наши беломорские воды за счет гренландского тюленя» [11, с. 42–43].

После установления в 1920 г. советской власти контроль за промысловыми водами был усилен, начались задержания английских тральщиков и норвежских зверобойных судов. Англичане продолжали браконьерство в более высоких широтах, которые были практически недоступны для русских охранных судов. Хуже пришлось норвежцам: район промысла был небольшой — пролив («горло Белого моря»), при этом он был достаточно узким. После нескольких задержаний с конфискацией улова дело дошло даже до продажи по низкой цене судов, приспособленных для беломорских промыслов. В результате переговоров Народного комиссариата иностранных дел СССР с правительством Норвегии «штраф был снижен, суда отпущены», а «министр иностранных дел Норвегии предупредил (зверобоев), что больше защищать нарушителей не будет» [13, с. 90, 97].

Несмотря на такие заверения, браконьерство норвежцев не только не прекратилось, но в 1922 г. даже увеличилось: отмечалось, что «норвежцы безнаказанно истребляют поголовье морзверя, попутно забирают за ничтожную плату другие товары у самоедов и русских на Колгуеве, Новой Земле, Вайгаче» [20, с. 2]. Яркую картину хищнического лова норвежцев в северных водах представляет в своем докладе инженер-технолог И.Н. Анкерман (1923 г.), по словам которого «...в начале XX в. убоем гренландского тюленя занимались 6–9 норвежских судов, вытапливая 600–800 т тюленьего жира, а шкуры и кости животных оставляя на льду. Теперь же их добыча 5–7 тыс. тонн жира, кроме того — акулы, белухи, морские зайцы и другие звери, а также гагачий пух и десятки миллионов яиц, которые норвежцы вывозят с русских островов в Северном Ледовитом океане» [21, л. 38–40]. Несмотря на то, что в Советской России стали организовывать собственный зверобойный промысел на ледоколах, «норвежцы... еще смелее, увереннее (идут) в Белое море, обгоняя, распугивая, истребляя под носом наших судов зверя», — писал знаток зверобойного промысла, капитан и общественный деятель И.П. Ануфриев, категорически высказываясь против зверобойных концессий на Севере, видя в них экономическую нецелесообразность для государства и прямой вред для местных промышленников [13, с. 81].

Передача промысловых районов в концессионную аренду норвежцам была произведена по политическим мотивам, чтобы создать прецедент и предъявить его другим браконьерам. Когда советские военно-морские силы усилили свое присутствие в зоне промыслов, возникла угроза банкротства норвежских промышленников, которые предпочли согласиться на условия концессии.

Как и лесные, эти концессии вызвали недовольство местных властей. Узнав в ноябре 1923 г. о подписанном Народным комиссариатом земледелия СССР договоре, представитель Беломорского управления рыбными промыслами возмущался: «Вторжение в наши воды в течение двух лет до 100 судов приведет к тому, что зверь уйдет в Гренландию. И это не может не сказаться на исчезновении зверя в наших морях, как случилось с гренландским китом» [22].

Губернские власти обратились в центральные органы с предложением прекратить сдавать рыбный и зверобойный промысел в концессию. Обращали внимание на массовый убой бельков и на другие хищнические способы охоты норвежцев, грозящие уходом зверя, а также, как следствие, уходом русского населения с побережья, что имело и политическое значение (отсутствие необходимого мобилизационного ресурса для защиты в случае военного нападения) [23]. Государственный концессионный комитет, регулярно получавший с мест сообщения о варварском характере промысла морского зверя норвежскими концессионерами, в своем отчете за 1925–1926 гг. фиксировал, что «промысел ... носит беспорядочный, граничащий с хищничеством, характер истребления зверя». Отмечались «случаи убоя самок кита с детенышами» и «лишь частичное использование промышленного зверя. Перерабатывается подкожный жир, остатки же туш выбрасываются в море, приводя бухты в антисанитарное состояние... Превышение допускаемой специалистами нормы убоя угрожает поголовным уничтожением тюленевого стада» [24, л. 30].

Формой контроля за норвежскими зверобойными концессиями и одновременно определенной реакцией на возмущение местной власти и общественные настроения в отношении природосбережения, выразившиеся в «беспокойстве относительно мер для предотвращения истребления стада», стала советско-норвежская паритетная комиссия по зверобойному промыслу, созданная на основании условий концессионного договора и состоящая из весьма компетентных специалистов (норвежская

сторона была представлена директором зоологического музея, советником министра торговли и председателем международной китобойной комиссии; от СССР — сотрудник отдела рыболовства Народного комиссариата земледелия СССР, профессор-ихтиолог и специалист в области рыболовства). Целью обсуждения было «установить, имеются ли данные, ...что зверобойный промысел норвежских судов является слишком интенсивным», на что указывала советская сторона, а норвежская утверждала, что данных для подобных выводов недостаточно [25, с. 10, 11]. В результате была разработана Программа исследований тюленьего промысла с целью «решения вопроса о допустимом по современному состоянию тюленьего стада размере убоя» [25, с. 11]. Количественный учет советской стороны велся «с использованием авиаразведки, производимой Совторгофлотом во время промысловых операций на ледоколах», на которых также работали ихтиологи [25, с. 11]. Норвежские специалисты проводили наблюдения на судах концессионного флота. Результаты исследований настолько разнились, что Комиссия так и не пришла к консенсусу, и предложение советской стороны ограничить убой тюленей половиной приплода принято не было [26].

Морские концессии и надежды на модернизацию рыбной промышленности. До войны 1914 г. «набегами» на русские промыслы занимались в основном английские и немецкие траулеры, отчасти шведские и бельгийские. Англичане от нелегального лова в северных водах у побережья России имели ежегодный улов свыше 16 тыс. т рыбы [21, л. 38–40]. В 1920-е гг. иностранный лов в северных русских водах вновь увеличился — «возможно, в связи с оскудением рыбы в западных открытых водах. [Теперь имеют] суда значительно большей грузоподъемности; орудия лова усовершенствованы. Если до войны англичане приходили только за камбалой, остальную рыбу выбрасывали за борт, теперь берут все, даже мелкую рыбешку» [27, с. 74], поскольку существенно развилась техника переработки.

Казалось бы, рыболовные концессии не будут вызывать недовольства северян. Исходили из того, что введенный запрет вряд ли помешает иностранцам, лучше пусть хоть что-то платят государству. Рассчитывали также, что допускаемое концессионным соглашением присутствие советского наблюдателя на борту позволит приобрести навыки тралового лова и обработки рыбы в море, что позволило бы при одинаковой товарной массе выловленной рыбы уменьшить эксплуатацию ресурсов. Однако усовершенствование способов лова встречало препятствие не только со стороны иностранных промысловиков, думающих только о доходах. Недовольство высказывало и население прибрежных территорий, среди которого упорно ходили слухи о вреде любых новшеств.

«Где приходит техника, там кустарь кричит караул, что его ограбили», — так был охарактеризован конфликт, возникший в 1925–1926 гг. у рыбопромышленного кооператива с поморами [28, л. 34]. Поморское население возражало против расширения тралового лова, производимого как советскими, так и иностранными моряками, и настаивало на «трехмильной зоне» для кустарного лова, жалуясь в органы власти, что «траловый флот обезрыбливает море» [28, л. 54]. При проведении с помощью норвежских специалистов в Кандалакшском заливе «экспериментов по передовому (кошельковому) рыбному лову», со стороны населения, убежденного, что «пароход и всякий шум пугают белуху и зверя», и даже властей, считающих, что происходит нарушение прав местного населения, пришлось столкнуться с настолько негативным отношением, что «из-за опасения возможных насилий над командой и норвежскими специалистами ...пришлось в поисках сельди уйти ...на Мурман» [29, л. 77, 78, 80].

Переход на отечественные формы экономического освоения природных ресурсов Европейского Севера. Любая революция — это не спонтанный политический акт, а достаточно долговременный процесс подготовки общественного мнения к пониманию необходимости перемен. В отношении рассматриваемого в статье вопроса это касалось критики экономической политики государства, допускающей превращение России в сырьевой придаток западного капитализма. Определенные усилия имперского правительства в этом отношении не устраивали своей медлительностью, а накапливающееся «революционное нетерпение» требовало перемен. Революция 1917 г. заинтересованной частью общественности рассматривалась как возможность радикального изменения сложившейся ситуации. Но возникшие трудности, вызванные послевоенной разрухой и общей революционной анархией, осложнили быстрый и безболезненный переход к национально ориентированной сырьевой экономике.

Организация планового хозяйства на национализированных предприятиях в рамках политики военного коммунизма, позволяющей все хозяйственные вопросы решать волонтаристскими методами, казалось, дала все возможности для реализации задуманного. Но особенности восстановительного периода поставили перед сырьевым сектором экономики другие задачи. Несмотря на запросы внутреннего рынка, надо было получать в обмен на природные ресурсы необходимую стране валюту; торговля сырьем имела и политический аспект, заключающийся в возможности прорыва политической и экономической блокады.

Короткий период реализации в северных губерниях советской концессионной политики имел политические результаты, однако экономически данный опыт оказался в лучшем случае бессмысленным для развития народного хозяйства. Единственным положительным моментом стала возможность увидеть собственные экономические перспективы. Критика хищнических форм хозяйствования, не учитывающих ни интересов местного населения и государства, ни требований природоохраны, исходила, в первую очередь, от кооперативных организаций, которые видели для себя шанс для выгодного использования природных ресурсов после ухода иностранных концессионеров. Однако к 1930-м гг. изменилась и государственная политика. И если дореволюционные экономисты видели опасность для общенационального богатства — природных ресурсов Севера — не только в бесконтрольном допуске западных предпринимателей, но и в излишнем росте населения, который способствовал вырубке леса под сельскохозяйственные угодья, чрезмерному морскому промыслу, перевыпасу в тундрах и др., то в период социалистической индустриализации, напротив, на Север привлекались дополнительные трудовые ресурсы. Наряду с учетом мнения лесоводов (введение в лесоразработку отдаленных лесных массивов, развитие безотходного производства, максимально приближенного к местам вырубки) и рыбоводов (модернизация добычи и переработки рыбы и морского зверя, максимальное использование добычи), применялись и далекие от природосберегающих технологии. К концу XX в., по мнению архангельского историка В.И. Коротаева, очевидной стала «избыточная заселенность Севера, его чрезмерное хозяйственное освоение, приведшее к деградации природы», и, как результат, экологический и антропологический кризис [30, с. 185, 186], а также экономический, что в комплексе ставит перед государством и общественностью новые задачи.

Развитие научного подхода к эксплуатации ресурсов и сохранения природы. В условиях форсированной индустриализации 1930-х гг. эксплуатация природных ресурсов приобрела гигантские размеры. Но труд ученых — лесоводов, зоологов, ихтиологов — не пропал, их работы, имевшие строго практико-ориентированный характер и выполненные по заданию советских хозяйственных органов, опубликованы или хранятся в архивах, оставаясь ценным источником для современных экологов. Приведем примеры некоторых проектов, которые, так или иначе, подтолкнули развитие экологической науки.

Уже в первый мирный год (1920), пока под влиянием практических сложностей не иссяк революционный энтузиазм, советскими практиками строились грандиозные планы по научному обоснованию эксплуатации северных ресурсов. Беломорским управлением рыбо-звериных промыслов предлагалось «всем капитанам (рыболовецких судов) вменить в обязанность вести записи по особой форме — для получения материала для изучения миграции и жизни рыбы. Такой труд через несколько лет будет очень ценен, и возможно, придет время, когда не нужно будет отправлять траулер на авось, а точно зная, в каком месте присутствует массовое скопление рыбы...» [31, л. 2].

Не все задуманное удалось, прежде всего из-за недостатка финансов. Но и впоследствии, когда при переходе к новой экономической политике все чаще превалировал экономический интерес, нельзя обвинять советское правительство в «разбазаривании» природных богатств России. Государство использовало концессионную деятельность для изучения северных морей в целях планомерного и рационального использования их богатств [32]. Брался во внимание прежний (приобретенный до революции), а также иностранный научный и практический опыт. При подготовке концессионной программы, особенно в отношении эксплуатации ресурсов северных морей, прислушивались к мнению ученых [33]. К разработке лесопромышленной концессионной программы также привлекались ученые-лесоводы, определявшие ценность тех или иных участков и предлагавшие наиболее рациональные формы их эксплуатации.

Мнение ученых, которые опирались в своих выводах не на сиюминутные результаты, а заботились о будущем, не всегда учитывалось, но и не игнорировалось. Во всяком случае, принимая решения о той или иной концессии, в том числе о закрытии уже существующих, эти мнения использовались как важнейший довод.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«География — это судьба», — говорил в XIX в. Наполеон о России [34], впрочем, по другому поводу. А в конце XX в. появилось другое определение — «ресурсное проклятье» (Р. Аути), отражающее проблемы экономического, да и политического развития «богатого государства», его ресурсную зависимость, создающую постоянную опасность повторения прежних ошибок, связанных с замедлением развития [35].

Отечественная экологическая история убеждает, что экономический подъем страны зависит от международной конъюнктуры: снижение интереса иностранных пользователей к нашим ресурсам (по экономическим или политическим причинам) стимулирует его, создавая перспективы российскому производителю. Благополучная внешнеполитическая обстановка возвращает зависимость экономики от иностранных инвестиций.

Солидарные действия экономически активной общественности и научной интеллигенции в до-революционное время были направлены на критику иностранного предпринимательства, прежде всего с точки зрения равнодушного отношения иностранцев к вопросам природоохраны, а также на сбережение ресурсов для будущих поколений России. Надежды советских хозяйственников, что льготные условия для иностранных концессионеров подвигнут их применять в России новейшие технологии, не сбылись: продолжалась безжалостная эксплуатация природных ресурсов.

Представленный исторический материал содержит дополнительные примеры для изучения проблемы соответствия природосбережения и экономически успешной деятельности, сближающей научные интересы экологов, географов и историков, создавая базу для ее аналитического осмысления практичными работниками.

Работа выполнена при финансовой Российской научной фонды (22-18-2006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берсенёв В.Л. Особенности правового регулирования деятельности по обеспечению эколого-экономической безопасности на региональном уровне // Экономика и право. — 2018. — № 1 [Электронный ресурс]. — <http://oecomia-et-jus.ru/single/2018/1> (дата обращения 22.12.2023).
2. Лебедев Ю.В. Теоретические основы экологически устойчивого развития территорий: патриотический взгляд. — Екатеринбург: Изд-во Ин-та геологии и геохимии, 2015. — 156 с.
3. Шатилов А.Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций // Гуманитарные науки. Вест. Финансового ун-та. — 2019. — № 4. — С. 70–77. — DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-70-77
4. Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Зеленый дискурс как разновидность нового левого популизма // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 1. — С. 96–105. — DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105
5. Давыдов Р.А. Взгляды на экологию моря в российско-норвежских отношениях (конец XIX — начало XX века) // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 1. — С. 15–22.
6. Репневский А.В. Браконьерство норвежских зверобоев в Белом море как стимул для определения морских границ РСФСР (1920–1921) // Вопросы истории. — 2019. — № 12/2. — С. 51–59.
7. Трошина Т.И., Авдоница Н.А., Задорин М.Ю. «Последняя грань Российской цивилизации»: экономический и демографический аспекты территориальной целостности государства на крайнем северо-востоке // Былые годы. — 2018. — Вып. 49, № 3. — С. 1125–1139.
8. Булатов В.В. Концессии как инструмент урегулирования проблем зверобойного промысла и принадлежности территориальных вод в районе Белого моря // Власть. — 2009. — № 10. — С. 152–155.
9. Лажинцев В.Н. Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России // Пространственная экономика. — 2015. — № 4. — С. 117–130. — DOI: 10.14530/se.2015.4.117-130
10. Жилинский А.А. Промысел морского зверя в Белом море и Ледовитом океане. — Л.: Снабтехиздат, 1932. — 92 с.
11. Боговой И.В. Морской зверобойный промысел на Севере. — Архангельск: Облгосрыбпром, 1923. — 106 с.
12. Заседание Правления 22 декабря 1919 г. // Изв. Архангельск. о-ва изучения Русского Севера. — 1919. — № 10–12. — С. 220–221.
13. Ануфриев И. Зверобойный промысел Севера и концессии норвежцев // Северное хозяйство. — 1924. — № 1. — С. 79–87.
14. Еремеев Н. Обзор о зверобойных промыслах на Севере за 1921–1926 гг. и перспективы // Гос. архив Архангельской области (ГААО). — Ф. 371, оп. 1, д. 283, л. 1–98.
15. Докладная записка к проекту перспективного развития Архангельского торгового порта // Гос. архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГААО ОДСПИ). — Ф. 1. Оп. 1, д. 1288, л. 22–41.
16. Концессионное дело на постройку целлюлозного завода. 1925 г. // ГААО. — Ф. 71, оп. 9, л. 262.
17. Докладные записки, письма в Губком о работе государственных и хозяйственных организаций и учреждений. 1925 г. // ГААО ОДСПИ. — Ф. 1, оп. 1, д. 1246, л. 14–18.

18. **Совещения** при Онежском уездисполкоме с хозяйственными организациями уезда по вопросу о портостроительстве в приписном к Архангельскому порту пункте Онега // ГААО ОДСПИ. — Ф. 1, оп. 1, д. 1288, л. 42–44.
19. **Письмо** из Аркос Ltd. С.И. Либерману, 1925 г. // ГААО. — Ф. р-71, оп. 1, д. 1634, л. 56–57.
20. **Жилинский А.А.** Нужды северной тундры // Внешняя торговля: еженедельник Народного комиссариата внешней торговли. — 1922. — № 23. — С. 2–3.
21. **Анкерман И.Н.** «О необходимости образования правительственного акционерного общества для эксплуатации богатств Белого моря и Северного Ледовитого океана» // ГААО. — Ф. 150, оп. 3, д. 740, л. 38–40.
22. **Отношение** Главрыбы от 28.11.1923 г. «О концессиях морского зверобойного промысла в территориальных водах на Севере» // ГААО. — Ф. 893, оп. 1, д. 48, л. 140–142.
23. **О зверобойных концессиях** // Северное хозяйство. — 1924. — № 12 — С. 137–138.
24. **Сопроводительная** записка управляющего делами ГKK при СНК СССР Иванова в СНК СССР и отчет ГKK при СНК СССР за 1925/1926 г. 10 февраля 1927 г. // Государственный архив РФ (ГАРФ). — Ф. р-8350, оп. 3, д. 310, л. 1–125.
25. **Козаков М.А.** Советско-норвежская паритетная комиссия по зверобойному промыслу // Бюл. рыбного хозяйства: орган государственной рыбной промышленности рыбохозяйственных управлений ВСНХ и НКЗ. — 1926. — № 10. — С. 10–11.
26. **Козаков М.А.** Третья сессия Северно-Норвежской паритетной комиссии по зверобойному делу // Бюл. рыбного хозяйства: орган государственной рыбной промышленности рыбохозяйственных управлений ВСНХ и НКЗ. — 1928. — № 12. — С. 17–19.
27. **Жилинский А.** Несколько слов о траловом флоте на севере // Северное хозяйство. — 1925. — № 11. — С. 73–76.
28. **Стенографический** отчет собрания пайщиков Севгорыбтреста, 7–8 июня 1927 г. // ГААО. — Ф. 371, оп. 1, д. 426, л. 20–57.
29. **Нетронутые** богатства // Северное хозяйство. — 1924. — № 1. — С. 71–79.
30. **Коротаев В.И.** Русский Север в конце XIX — первой трети XX века: проблемы модернизации и социальной экологии. — Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. — 192 с.
31. **Доклад** Беломорскому управлению рыбно-звериных промыслов. 29.03.1920 г. // ГААО. — Ф. 150, оп. 3, д. 3-а, л. 1–6.
32. **Киселев А.А.** Концессии на Европейском Севере России // Вопросы истории. — 1972. — № 7. — С. 26–36.
33. **Лайус Ю.А.** Международная кооперация, рыбные ресурсы и развитие рыбохозяйственной науки в России накануне, во время и после Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. — С. 136–166.
34. **Власть факта.** История и геополитика: интервью с Б.В. Межуевым [Электронный ресурс]. — <https://politconservatism.ru/special/vlast-fakta-istoriya-i-geopolitika?ysclid=lr7yody73968101973> (дата обращения 07.05.2023).
35. **Осадчий Е.И.** Ресурсы природной среды: экономическое благо или проклятие (трансформация взглядов на роль природных ресурсов в экономике стран) // Научный вестн.: финансы, банки, инвестиции. — 2018. — № 4. — С. 181–188.

Поступила в редакцию 20.06.2023

После доработки 10.10.2023

Принята к публикации 07.05.2024